

АНТИЧНАЯ ОРДЕРНАЯ АРХИТЕКТУРА СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ ПЕРВЫХ ВЕКОВ НАШЕЙ ЭРЫ

Первые четыре столетия нашей эры являются последним периодом расцвета античной архитектуры в Северном Причерноморье. Большие потребности в строительстве этого времени были обусловлены предшествующими разрушениями, вызванными падением Понтийского царства, нашествиями кочевых племен и сильными землетрясениями 89 и 63 годов до н.э. На протяжении последних двух столетий до нашей эры строительско-каменотесное ремесло пришло в упадок, а строительство крупных ордерных зданий, по-видимому, и вовсе прекратилось. Проникновение местных этнических элементов и рустификация городов не могли не сказаться на общем их облике. Наиболее яркий пример — влияние сарматизации на культуру и искусство городов Боспора — неоднократно отмечался советскими исследователями¹.

В этой работе на основе изучения архитектуры первых веков нашей эры — наиболее существенной части художественного наследия и материальной культуры античности — сделана попытка выделить новые данные, характеризующие общий экономический подъем первых столетий, и конкретизировать его этапы, а также выделить основные связанные с монументальным зодчеством исторические материалы, характеризующие общественную жизнь и организацию строительства, ввести в научный оборот новые архитектурные материалы и на их основе реконструировать пять наиболее типичных для этого времени ордерных фасадов и, наконец, проследить основную линию развития архитектуры Северного Причерноморья в многогранной культуре этого сложного периода.

Сохранившиеся ордерные детали, археологические данные и письменные источники, дополняя общую картину последнего крупного экономического подъема первых двух столетий нашей эры, не только свидетельствуют о возрождении монументальной архитектуры, но позволяют выде-

¹ Историографию вопроса см. В. Д. Блаватский, Пантикапей, М., 1964, стр. 135 сл.

лить три основных периода в строительстве этого времени: первая половина I в. н.э., начало II в. н.э., рубеж II—III вв. н.э.

На Боспоре в сарматский период строятся новые храмы и ремонтируются старые. Культовые участки, опустевшие в конце эллинистического периода, а также разрушенные сильным землетрясением 63 г. до н.э., застраиваются новыми храмами особо почитаемых богов. Так, культ Афродиты на Боспоре продолжал процветать и в первых веках нашей эры (КБН, 31, 35, 1045, 1055). Последняя из посвященных надписей Афродите Урании, владычице Апатура, датируется 234 г. (КБН, 35). На Боспоре по-прежнему продолжали чтить и Аполлона (КБН, 975, 1239). Как говорится в фанагорийской надписи 123 г. н.э., должностными лицами был воздвигнут памятник Аполлону Ателею (Вечному) (КБН, 975).

Новым для этого периода было обожествление императора. В I в. н.э. был построен Кесарейон в Фанагории, возведение которого связано с сервиллизмом по отношению к римским императорам². Другой подобный знак почитания — посвящение статуи императора Августа, сделанное царицей Динамией (КБН, 1046). Да и сами боспорские цари в первых десятилетиях нашей эры также приравнялись к божеству, как это видно из посвященной надписи на архитраве, являвшемся частью здания, вероятнее всего, небольшого дорического храма, поставленного Аспургу еще при его жизни³. После анализа надписи на архитраве В. Д. Блаватский приводит очень правдоподобную мотивировку этого, безусловно политического, акта: «Аспург, по всей видимости, был обожествлен через некоторое время после императора Августа. Обожествление Аспурга, нужно думать, является одним из действий, направленных на усиление значения Боспора, на подъем авторитета его правителя, возводившегося этим актом как бы в один ранг с божественным Августом. Притязавшему на владычество над Боспором Риму противопоставлялся авторитет обожествленного боспорского царя»⁴.

Судя по эпиграфическим данным, наибольший размах строительства на Боспоре падает на периоды правления Савромата I (93/4 — 123/4 гг.) и Савромата II (173/4—210/1 гг.). Надписи говорят о том, что и сами цари Боспора, в частности Савромат I, жертвуют средства на возведение колоннады птерона храма Афродиты Апатурской (КБН, 1045). В Горгииппии наместник Савромата I, Фарнакион, сын Пофа, в 110 г. н.э. на собственные средства возводит храм Афродите Навархиде (КБН, 1115). В Пантикапее в это же время хранителем царской казны Тиберием Юлием Фавастом строится пинакотека с картиной, прославляющей доблесть и отвагу Савромата I (КБН, 45 = IOSPE, IV, 202, рис. а, б).

К первой половине II в. н.э. относится фрагментированная надпись, из восстановления которой следует, что был воздвигнут пронаос храма ведающим святынями Антимахом, сыном Харитона (КБН, 62). В это же время жителями Синопы Савромату I ставится статуя, постаментом для которой служила вотивная колонна; другие надписи также свидетельствуют о том, что обожествленному боспорскому царю в знак почитания и благодарности ставятся другие памятники подчиненными ему должностными лицами (КБН, 43—45, 1048). Оживленная строительная деятельность отражена в надписях времени правления Савромата II, отстроившего храм Арея и поставившего находящуюся там статую (КБН, 63). Деятельное участие принимает Савромат II и в строительстве храма Посейдона

² КБН, 1050; Блаватский, Пантикапей, стр. 163.

³ КБН, 39; В. Д. Блаватский, Строительное дело Пантикапея по данным раскопок 1945—1949 и 1952—1953 гг., МИА, 56, 1957, стр. 68—71.

⁴ КБН, 39; Блаватский, Строительное дело..., стр. 71.

в Горгиипии, осуществленного на средства коллегии навклеров во главе со жрецом Посейдона Афинодором (КБН, 1134).

В III—IV вв. н.э. с ослаблением Боспорского царства, нашествиями кочевников и окончательным экономическим упадком масштабы монументального строительства значительно сокращаются. Тем не менее отдельные крупные сооружения, как это видно по надписям и единичным фрагментам антаблементов, о которых будет говориться ниже, все же возводятся вплоть до полного разрушения города гуннами в 375/6 гг. н.э. В 306 г. н.э. в Пантикапее Аврелий Валерий Сог, наместник Феодосии, почтенный (очевидно, в Риме) императорами Диоклетианом и Максимианом, вернувшись после 16-летнего отсутствия, выстроил от основания молельню (?) (КБН, 64). В 234 г. н.э. патрица Китея построила от основания храм Зевсу — Богу Гремящему и Внемлющему, с огороженным участком и подсобным домом. В надписи, выбитой на культовом столе с ножками в виде кариатид, стоящем в храме, упоминается имя первого жреца Юлия Психариона, которому жертвующие доверяют суды в священную казну храма (КБН, 942). Даже во втором десятилетии IV в. н.э., при царях Радамсидии и Рескупориде, в Пантикапее был воздвигнут храм (имя бога утрачено) (КБН, 66). Другая надпись сообщает о пожертвовании Летодором храму земельного участка и пелатов в пригороде Фанагории — Фианнеях⁵.

Надписи сарматского времени сохранили имена боспорских архитекторов Аврелия Антонина, Диофанта, сына Неопола, Навака, сына Мевака, Эвтиха и Папия, сына Хорегиона⁶. В большинстве случаев четыре первых архитектора выступают в роли строителей стен (Аврелий Антонин — трижды), но одновременно с этим первые трое благоустраивают источник (надо думать, и его обрамление) и строят рыночную площадь в Танаисе (КБН, 1112, 1245, 1249, 1250).

Яркую картину запустения городов, сокращения их территории обрисовывает Дион Хрисостом, лично посетивший Ольвию. Даже 150 лет спустя после разгрома города гетами Биребисты в храмах и на надгробных памятниках Дион Хрисостом не видел ни одной целой статуи, все они были изуродованы гетами и оставались в попорченном виде. Старый священный участок опустел. Однако и на сократившейся территории города на его центральной площади стоял храм Зевса на высоком ступенчатом стереобате. По-видимому, это был уже новый храм, построенный в римское время⁷. Там же Дион Хрисостом упоминает два храма Ахилла, один в Ольвии, другой на так называемом Ахилловом острове. В надписях сохранились имена жрецов Ахилла Понтарха в Ольвии: Гераклида, сына Кратейна, Каллистрата, сына Гераклида, Каскена, сына Касага, Трифона, сына Трифона, Фарнага, сына Ахилла и Апсога, жречествовавшего дважды (IOSPE, I², 139—144, 155), а также благодарственные посвящения стратегов (там же, 137, 138).

У жителей Ольвийского полиса большим почитанием в римское время пользовался культ Аполлона Простата. Об этом свидетельствуют многочисленные посвящения ольвийских стратегов (там же, 80—115; НО, 70—

⁵ КБН, 976; В. Д. Блаватский, Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья, М., 1953, стр. 47 сл.

⁶ И. Т. Кругликова, Новые эпиграфические памятники из Горгиипии, ВДИ, 1967, № 2, стр. 193.

⁷ Dio. Chrys., XXXVI=SC, I, стр. 174. В. В. Латышев считает, что коль скоро для служения Зевсу Ольвию (IOSPE, I², 42) и Зевсу Спасителю (IOSPE, I², 161, 162) избирались особые жрецы, то, стало быть, должны были существовать и разные храмы или вообще места культа (Исследования об истории и государственном строе города Ольвии, СПб., 1887, стр. 168).

85). Храм подвергался ремонтам (IOSPE, I², 175), а священный участок был обнесен портиком (там же, 98). Как можно судить по надписи римского времени, в Ольвии стоял храм Матери Богов (там же, 192).

В первые века нашей эры на государственные средства или частными лицами возводились и общественные здания, вероятно, также украшенные ордером. Феоклом, сыном Сатира, был вновь построен гимнасий, им же были восстановлены и отстроены другие здания, так что благодаря ему город стал красивее и славнее (там же, 40). Авав, сын Каллисфена, посвятил Августу, Тиберию и Народу портик, построенный за его счет (там же, 181). Другой портик посвящен императору Септимию Северу и его войскам (там же, 174). Были сооружены стратегион (там же, 185), а также экседра (там же, 182).

Не менее яркие эпиграфические памятники римского времени найдены в Херсонесе. Анализ надписи в честь Аристона и фрагментированной надписи в честь другого почетного гражданина города (IOSPE, I², 423 и 424) показывает, что жрецами были граждане самого привилегированного сословия. Аристон был послом отечества к римскому императору, продиком, номофилаком, демиургом, послом к боспорскому царю Римиталку и только после этого прекрасно исполнял должность жреца (народ наградил его золотым венцом и медным изображением). Затем Аристон был управляющим государственной казной, вторично послом к Римиталку, вторично демиургом (за что был почтен вторым венцом и статуей). Декрет датируется концом первой половины II в. н.э. Так же как и на Боспоре, херсонеситы продолжают заботиться о храме верховного божества города — богини Девы. И в римский период храм по-прежнему стоял на акрополе Херсонеса. О нем говорит Страбон (VII, IV, 2) в описании Херсонеса Таврического: «В святилище находится храм богини и ее статуя». Херсонес этого времени славится также пещерой, которая, по свидетельству Мелы, была расположена на акрополе (SC, II, стр. 120). К началу I в. н.э. относится почетная надпись в честь жрицы (по-видимому, храма Девы) (IOSPE, I², 430) и посвящение Зифа Газурия, жречествовавшего в храме Девы (там же, 412). Надгробие Сотериха гласит о том, что и он жречествовал Деве (там же, 457).

Большой интерес представляют посвятельные надписи на архитектурных деталях, найденные в Херсонесе. Из Уваровской базилики наряду с другими первоклассными памятниками, украшавшими акрополь древнего Херсонеса, происходит ионийский архитрав (длина — 2,09, высота — 0,32 м) с надписью: «Аврелий Гермokrat, сын Мирона, а по природе Тимофея, пожертвовал оставшиеся от расходных сумм агораномии 3000 денариев на храм Афродиты» (IOSPE, I², 440). Там же были найдены наиболее примечательные эпиграфические памятники: надписи на колоннах — уникальный список стоимости античных ордерных деталей, принадлежавших этому же храму Афродиты. Первые три надписи указывают цену двух колонн: Диоскурид, сын Диоскурида, пожертвовал на колонны 500 денариев (там же, 441). Хрис, сын Фарнака, пожертвовал на колонны 500 денариев (там же, 442). Валериан Гай пожертвовал на колонны 500 денариев (там же, 446). Цену одной колонны проясняет посвящение Аврелия Дионисия, сына Приска, пожертвовавшего на колонну 300 денариев (там же, 443). Эти надписи позволяют приблизительно представить стоимость колоннады небольшого периптера или простия в римском варианте, а вместе с тем хотя бы примерно сумму, необходимую на постройку в целом.

Поскольку полностью сохранившихся ордерных сооружений римского времени на берегах Северного Понта не найдено, письменные источники следует дополнить результатами археологических наблюдений, изобра-

жениями ордерных построек на памятниках искусства и монетах, а главное большим количеством монументальных ордерных деталей.

На Боспоре, в его столице Пантикапее, с начала I в. до н.э. отмечаются значительные масштабы строительства. В. Д. Блаватский после многолетних археологических раскопок на горе Митридат пришел к выводу, что «на акрополе Пантикапея в I в. н.э. проводились поистине грандиозные перепланировочные работы»⁸. Монеты Пантикапея, датированные

Рис. 1. Монеты Котиса I и Эвники

временем Котиса I (45—62 гг. н.э.), в более чем 20 разных чеканах дают изображение пятиколонного ионийского храма с высоким фронтоном и пятиступенчатым стереобатом⁹ (рис. 1). Высокий фронтон и непомерно крупные акротерии указывают на позднее время постройки храма, не ранее I в. н.э. Скорее всего и монеты начали чеканиться сразу же после возведения этого сооружения, которым стал гордиться город. Во всех случаях пропорции изображаемого храма и первые монеты, дающие *terminus ante quem* уже существующей постройки, не позволяют датировать пятиколонный ионийский храм более широкими рамками, чем первая половина I в. н.э.

К этому же времени, точнее, к 320 г. боспорской эры, или к 23 г. н.э., относится реконструированный В. Д. Блаватским по блоку архитрава другой пятиколонный храм дорического ордера¹⁰. Дорический архитрав: ГМИИ, Отдел античного мира, б/№, высота — 0,31, длина — 1,18,

макс. ширина — 0,22 м, белого мрамора, с фасада профилирован полочкой и двумя регулами с шестью капельками-гуттами, третья регула сбита. На лицевой гладкой плоскости архитрава высечено пять строк надписи. «Вряд ли можно сомневаться в том, — пишет В. Д. Блаватский, — что надпись на торцовой стороне любого здания, особенно посвятельная, должна занимать середину фасада»¹¹. Пантикапейский архитрав являлся центральным и мог принадлежать только фасаду с нечетным числом колонн. Как указывает текст и дата надписи, архитрав был поставлен при жизни Аспурга, следовательно, он не мог быть частью эдикулы, где колонна ставилась в центре или иногда применялось безколонное перекрытие. Учитывая небольшие размеры архитрава, а также силу нагрузки непомерно высокого фронтона¹², здание не могло иметь семиколонный центральный портик. Следовательно, пять колонн по фасаду определены В. Д. Блаватским совершенно справедливо.

⁸ Блаватский, Строительное дело..., стр. 71.

⁹ П. О. Карышковский, Боспор и Рим в I в. н.э. по нумизматическим данным, ВДИ, 1953, № 3, стр. 179 сл.

¹⁰ КВН, 39; Блаватский, Строительное дело..., стр. 68—81.

¹¹ Там же, стр. 70.

¹² Там же; расчет работы мраморной балки произведен архитектором П. В. Щусевым.

Как отмечал В. Д. Блаватский, четкие следы абака на нижней поверхности архитрава позволяют установить величину капители, длина и ширина которой в данном случае равна 0,4 м. Исходя из этих размеров, В. Д. Блаватский восстанавливает высоту колонн в 3 м, архитрава с фризом — 0,70 м, высоту треугольника фронтона с боковыми углами 21° — в 1,10 м, что вместе с архитравом, фризом и карнизами дает высоту несомых частей 2,15 м, общую же высоту храма от стилобата — 5,15 м. Четыре интерколумния по 1,5 м при пятиколонном фасаде дают по архитраву около 6,20 м¹³. Таким образом, в Пантикапее по нумизматическому материалу надежно засвидетельствованы два портика первой половины I в. н.э. с пятиколонным фасадом. Один из них — храм ионийского ордера, изображенный на медных монетах различных штемпелей, — определяется по легенде как пантикапейский Капитолий¹⁴, другое здание дорического ордера было посвящено обожествленному Аспургу. Напрашивается вопрос: не составляли ли оба здания элементы одного архитектурного ансамбля, в котором определенную роль играл политический акцент?

Работа В. Д. Блаватского, реконструировавшего по архитраву портик пятиколонного храма в Пантикапее, может быть продолжена. Сохранившиеся от эпохи Савромата I крупные фрагменты антаблемента позволяют реконструировать еще два фасада ионийского и коринфского ордера. От графической реконструкции первого здания — пинакотeki, посвященной Тиберием Юлием Фавмастом Савромату I, в настоящее время мы воздержимся, так как знакомы с памятниками только по изданиям¹⁵, при этом нет обмерных чертежей, архитектурных деталей, хранящихся в Керченском историко-археологическом музее. Однако ордер и минимальная ширина фасада пинакотeki легко определимы. Оба фрагмента представляют собой архитрав и фриз, выбитые в одном блоке (рис. 2 б). Размеры левого из обломков, обозначенных у В. В. Латышева литерой *a*, в сохранившейся части: высота — 0,48, макс. длина — 0,88, ширина — 0,16 м. Размеры правого (*б*): высота — 0,47, длина — 0,84, ширина — 0,16 м. Первоначальная высота блоков равнялась, насколько можно судить по фотографии, 0,52—0,54 м. Однако весьма возможно, что высота была значительно большей, если обломок карниз с сухариками. Сопоставление с антаблементами, аналогичными по размерам, обломкам и времени (особенно с совершенно идентичным антаблементом, найденным Б. В. Фармаковским в римской цитадели Ольвии¹⁶) (рис. 2 а), показывает, что такая возможность не исключена. На лицевой поверхности фриза и архитрава пантикапейского антаблемента высечены три строки посвянительной надписи. Легко восполнимые лакуны всех трех строчек между блоками и несколько букв левой стороны надписи позволяют реконструировать ее длину. Полное и наиболее надежное в этой надписи восстановление второй строки дает 72 буквы, т.е. длину всей надписи — 3,60 м. Такой пролет не мог быть перекрыт одним известняковым блоком. Скорее всего, надпись по длине занимала весь фасад и была расположена на трех архитравах общей длиной не менее 4 м. Узкий фриз, сильное выделение фасций архитрава указывают на то, что ордер был коринфским. Аналогичный ольвийский антаблемент позволяет с большой надежностью восстановить карниз и сухарики, недостающие в пантикапейской пинакотекe. Пинакотeка царского казначея Фавмаста, как нам представляется, была построена вскоре после

¹³ Там же, рис. 26а. Все приведенные размеры даны по чертежу В. Д. Блаватского.

¹⁴ Блаватский, Пантикапей, стр. 161 сл.

¹⁵ КВН, 45—ЮСПЕ, IV, 202, рис. а, б. Выбитые в одном блоке архитрав с фризом ошибочно названы карнизом.

¹⁶ Архив ЛОИА, фотоотека, О 902/48, 49, II 9461-2, 52579—52580, Ольвия, 1911 г.

одержанной Савроматом I победы над скифами, время которой может быть определено другим посвящением военачальника царя, датированным 106 г. н.э.¹⁷

Еще одно здание начала II в. н.э. реконструировано нами благодаря собранным в разных хранениях Керченского музея архитектурным фрагментам. От этого сооружения дошли: фриз с архитравом, выбитые в одном громадном блоке, карниз и ионийская капитель с неканпелированным стволом колонны. Фриз этого сооружения был украшен рельефно исполненной мужской маской с развевающимися волосами, стилизованно переданным

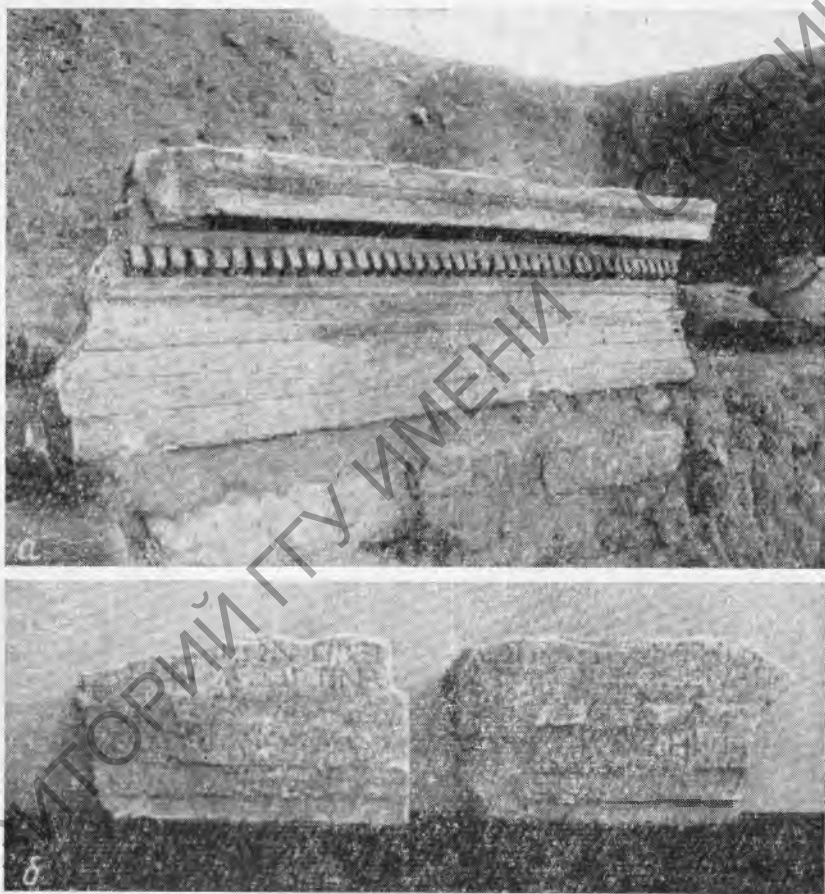

Рис. 2. а — Антаблемент, найденный Б. В. Фармаковским в Ольвии
б — Антаблемент пинакотeki 106 г. н. э. Пантикапей

в виде листьев. Борода маски переходит в толстые побеги аканта, образующего завитки-медальоны, в которых изображены бегущие животные.

Соединенные нами два блока антаблемента представляют собой архитрав и фриз, выбитые в одном камне (инв. № 3169 и 3428)¹⁸. Общие про-

¹⁷ КБН, 32, датировка памятника всеми издателями принята по аналогии с надписью № 697.

¹⁸ Описание их дано в статье: И. Р. Пичикян, Боспорские антаблемента первых веков нашей эры, СА, 1975, № 1, стр. 176—178. Из надписи под рисунком А. Гросса, изобразившего эти фрагменты, следует, что «детали были найдены на Северной покатости горы Митридат за южную оградою городского кладбища в декабре

порции, аналогичная декорировка ов и стержней в виде стрелок убедительно свидетельствуют, что фриз и карниз принадлежали одному и тому же сооружению. Размеры карниза (инв. № К 3429, длина — 1,70 м, высота — 0,25 м, ширина — 0,55 м)¹⁹. Размеры архитрава с фризом: длина — 1,55, высота — 0,58, толщина — 0,25 м.

Таким образом, мы имеем полный антаблемент небольшого ордерного сооружения Пантикапея с точно локализованным местом находки его фрагментов.

Атрибуция этого памятника пока не ясна, так как фризы с растительными орнаментами, в завитках которых изображены животные, были довольно распространенным мотивом в римской архитектуре и применялись в качестве декорировки самых разнообразных сооружений. Атрибуция мужской головы, исходной части композиции, встречается также в разных по назначению памятниках (рис. 3). Голова божества в сочетании с растительными орнаментами, волосами и бородой, переданными в виде листьев, украшала симу храма Солнца в Риме²⁰, внутренний пролет арки Септимия Севера²¹ и храм Зевса-Сераписа²². Однако чисто декоративный мотив изображений заставил издателей Тёбельмана²³ и Кэлера²⁴, а вслед за ними Тойнби и Перкинса²⁵, опубликовавших наиболее близкие изображения мужской головы на мраморах, найденных в Риме у монастыря св. Сильвестра, ограничиться общим термином «Die Blattmasken»²⁶.

Рис. 3. Маска на фризе из Пантикапея

Полуфигурки животных, выскакивающих из завитков растительного орнамента, находят аналогии в сравнительно широком хронологическом диапазоне: они появились в декоре развитого эллинизма еще до написания трактата Витрувия (римский архитектор успел неодобрительно отозваться об этих столь неестественных для декорировки украшениях)²⁷ и встре-

1882 года вместе с карнизом из того же крепкого известняка» (А. Гросс, Планы и чертежи, относящиеся к археологическим раскопкам 1882 и 1883 годов. Архив ЛОИА, д. 569, Р-1, л. № 11 об.).

¹⁹ Пичикян, ук. соч., стр. 176 сл., рис. 1—4.

²⁰ Н. Кähler, Zum Sonnentempel Aurelians, RM, 52, 1938, рис. 4, 7, 8.

²¹ Н. D'Espouy, Fragments d'architecture antique, P., 1900, табл. 99.

²² Там же, табл. 96.

²³ F. Toebelman, Römische Gebälke, I, Heidelberg, 1923, стр. 112.

²⁴ Кähler, ук. соч., стр. 100.

²⁵ J. M. C. Toynbee, J. B. W. Perkins, Peopled Scrolls: a Hellenistic Motif in Imperial Art, BSR, 18, 1950, стр. 22.

²⁶ Такого же мнения придерживалась А. А. Воцинина. В ответ на мой вопрос, не лесное ли это божество, А. А. Воцинина незадолго до смерти написала: «Присоединяюсь к мнению Тойнби, Тобельмана и Перкинса и др., — это скорее всего «Die Blattmasken» в связи со звериными изображениями. Орнамент очень красив и хорошо сохранился. Датировка, видимо, правильная. Аналогия очень удачная».

²⁷ Vitruv., 7, 5, 4.

чаются вплоть до IV в. н.э. В конце I в. до н.э. сходные с пантикапейскими фигурки и звери украшали фриз театра и триумфальной арки в Арле ²⁸. В разных видах подобный сюжет представлен в Вилле Адриана ²⁹ и проскепиуме театра в Мирине ³⁰. Встречаются они в декоре архитектуры III в. н.э. на фризах терм Каракаллы ³¹, фризе и симе храма Солнца ³² (около 247 г. н.э.), на софите храма Зевса-Сераписа в Путеолах ³³ и в термах и дворце Диоклетиана (302—305 гг. н.э.) ³⁴.

По выгнутой поверхности фриза пантикапейский антаблемент очень близок Нимфею в Аспенде ³⁵, надгробному памятнику в Миласе ³⁶, храму Сераписа в Милете ³⁷ и другим памятникам II в. н.э. Подобная форма

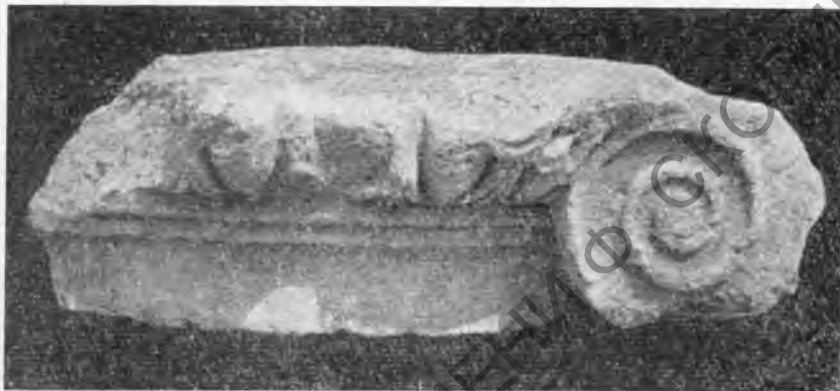

Рис. 4. Ионийская капитель первых веков н. э. Пантикапей

фриза, как отмечает Х. Кэлер, наиболее характерна для первой половины II в. н.э. ³⁸ Таким образом, все фрагменты антаблемента пантикапейского святилища следует датировать временем правления Адриана в Риме и Савромата I на Боспоре.

Реконструкцию памятника, как говорилось выше, сильно облегчает полностью представленный антаблемент. Довольно легко восстанавливаются общие пропорции и ионийский декор фасада, тем более что в Керченском музее собраны дополнительные данные, в частности найдена большая ионическая двухфасадная капитель (инв. № К 3646 — рис. 4), по характеру орнамента, стилистическим особенностям, но главное и по пропорциям идентичная блокам антаблемента: высота — 0,3, ширина и длина — 0,7, диаметр неканнелированного ствола колонны — 0,41 м.

²⁸ A. von Gladiis, Der «Arc du Rhône» von Arles, RM, 79, 1972 (2), стр. 65—69, табл. 36, 37, 39, 40.

²⁹ P. Guzman, Villa Hadriana, P., 1904, стр. 245, рис. 389—393.

³⁰ C. Uhde, Die Architekturformen des klassischen Altertums, B., 1900, табл. 69, 2.

³¹ Toebelemann, ук. соч., табл. 78.

³² Kähler, ук. соч., рис. 6, стр. 99.

³³ Desrois, ук. соч., табл. 96.

³⁴ J. Durm, Die Baukunst der Etrusker und Römer, II, Stuttgart, 1905, стр. 415, 416, рис. 462.

³⁵ H. Nörmann, Das Nymphäum zu Aspendos, JDAI, 44, 1929, стр. 269, рис. 3—5.

³⁶ Uhde, ук. соч., табл. 25.

³⁷ Th. Wiegand, Siebenter vorläufiger Bericht über die von den Königlichen Museen in Milet und Didyma unternommenen Ausgrabungen, B., 1911, стр. 20.

³⁸ Kähler, ук. соч., стр. 103 сл.

Фасадный блок архитрава и фриза с мужской маской, дошедший в двух фрагментах и обломанный на одном конце, все же позволяет совершенно точно определить первоначальную длину архитрава. Блок был угловым, следовательно, мы можем определить длину двух крайних архитравов. Крупная маска, будучи акцентированным звеном в цепи медальонов с галопирующими мелкими животными, помещалась всегда в центре интерколумния. Общая длина боковых архитравов вдвое больше, чем расстояние от центра маски до сохранившегося конца архитрава. Следовательно, длина боковых архитравов равна 2,8 м ($1,4 \times 2$). Центральный интерколумний перекрывается архитравом, по длине меньшим, чем боковые, на половину абака капители, т. е. его длина была близка к 2,60 — 2,65 м. Подобно милетскому храму Сераписа³⁹, совершенно идентичному по интерколумниям, конструкциям, размерам и декору, в пантикапейском храме определено тоже было четыре колонны по фасаду, т. е. это здание было простилом в римском его варианте. Высота колонн определяется по верхнему и нижнему диаметру. Верхний — на сохранившейся капители — равен 0,41 м; нижний, относящийся к верхнему как $\frac{11}{13}$, равен 0,49 или 0,50 м. При высоте в 9,8 диаметров основания ствол колонны должен быть равен 4,9 м. Высота от стилобата до верхней плоскости карниза при ширине по архитраву 8,2 м была равна 5,8 м. По полной длине горизонтального карниза легко вычисляется высота фронтона, равная 2 м при боковых углах 21° . Если к общей высоте храма в 7,8 м прибавить высокий, не менее 2 м, подий, свойственный памятникам этого времени, то общая высота сооружения превысит 9 м (рис. 5).

Анализ конструкций в точности соответствует общей композиции и стилистическим особенностям декорирующего орнамента, а также характеру рельефных изображений, сохранивших в себе черты, свидетельствующие о силе эллинистических традиций. Несмотря на высокие неканнелированные колонны, массивное поле фронтона, широкие и смелые пролеты в интерколумниях, роднящие этот памятник с архитектурой римского императорского времени, сооружение в целом очень близко позднеэллинистическим памятникам, таким, как монумент Митридата Евпатора, поставленный в его честь жрецом Гелианактом на о-ве Делосе⁴⁰.

Не меньшего внимания заслуживает другой полный пантикапейский антаблемент, так как он сохранился почти полностью вместе с фронтоном. Фронтон целиком выбит в одном блоке проконесского мрамора (инв. № 3838)⁴¹. Этот памятник дает нам дополнительные данные о пропорциях частей антаблемента в коринфском ордере и декоре боспорской архитектуры сарматского времени. Прекрасная сохранность памятника и большое число аналогий позволяет с большой надежностью идентифицировать блок с перекрытием эдикулы⁴². Поскольку ширина архитрава была около 2 м, а за вычетом ант пролет не превышал 1,6—1,5 м, не остается места для установки даже одной колонки. Следовательно, эдикула имела форму портика, где перекрытие опиралось на боковые пилястры или свободно стоящие колонны. Декор капителей должен был быть коринфским. Об

³⁹ W i e g a n d, Siebenter..., стр. 19—21, рис. 7, 8.

⁴⁰ М. И. Максимова, Античные города Юго-Восточного Причерноморья, М.—Л., 1956, стр. 200 сл., рис. 24, 25, 27.

⁴¹ А. Б. Ашик, Боспорское царство, Одесса, 1849, ч. III, отд. III, рис. СХI, стр. 56; Пичикийн, ук. соч., стр. 181, рис. 6. Рисунок принадлежит, безусловно, руке Дюбуа де Монпере, хотя опубликован только А. Б. Ашиком.

⁴² В. К а н а р а к е, Археологический музей в Констанце, Бухарест, 1967, стр. 50; L. S a n i n a, Gli edifizii di Roma Antica, IV, Roma, 1900, табл. 287; D u r m, ук. соч., рис. 464; I. T r e n c s e n y i - W a l d a p f e l, Die Tochter der Erinnerung, В., 1974, табл. 43; K. P ó c z y, Aquincum, Budapest, 1969, стр. 34, рис. VI.

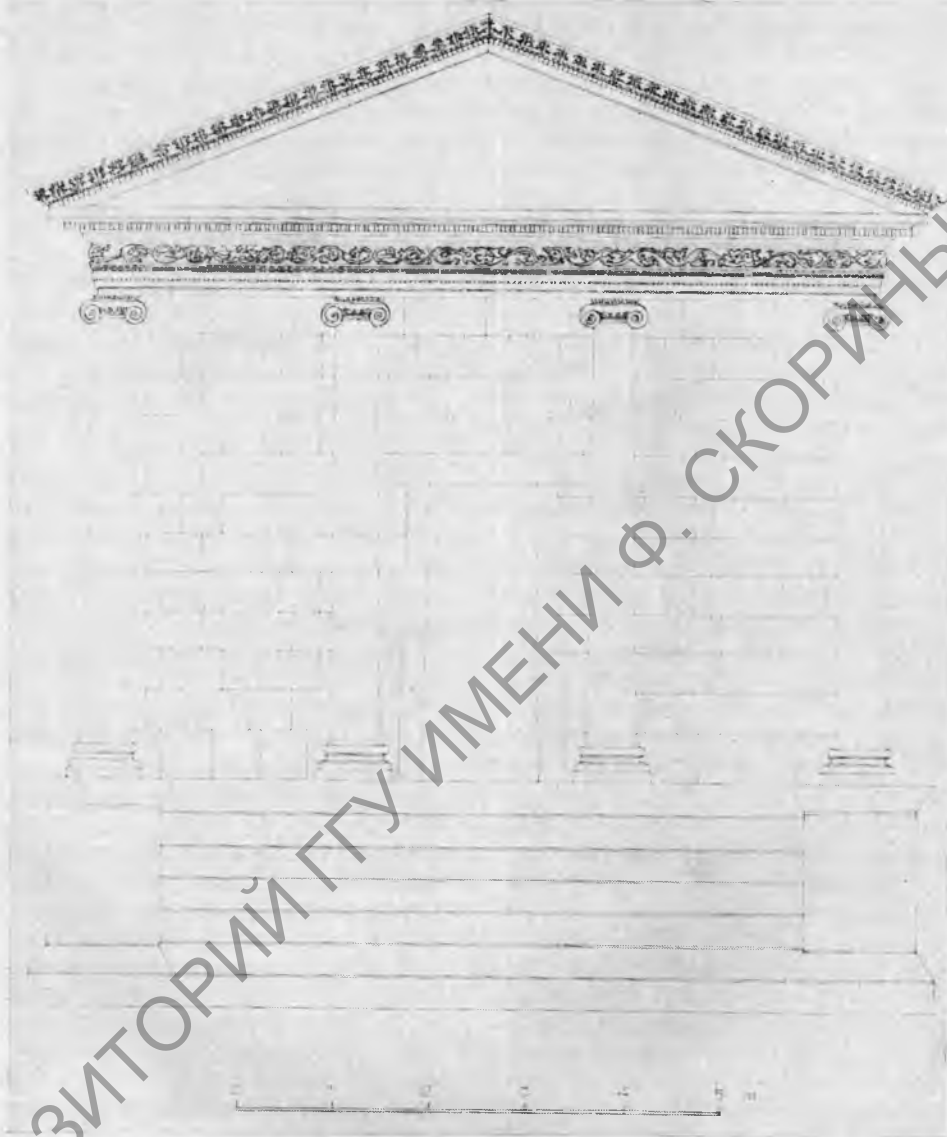

Рис. 5. Простильный фасад с масками из Пантикапея. Реконструкция И. Р. Пичи-кяна

этом говорят облегченные пропорции необыкновенно узкого фриза, архитрав, расчлененный на две фации вместо обычных трех, и его декорировка лесбийским киматием взамен традиционных ионийских ов. Датировка мраморного фронтона второй половиной II в. н. э. кажется нам наиболее убедительной.

С небольшим мраморным фронтоном уместно сопоставить два карниза с консолями, найденные в Пантикапее, так как на этих трех примерах можно проследить эволюцию конструкций и декорировок боспорских перекрытий I—III вв. н. э. Более тщательная манера исполнения рельефного орнамента и парные слаборазвитые консоли отличают от фронтона из-

вестняковый карниз, находящийся в экспозиции Керченского музея ⁴³. Другим отличительным признаком карниза является форма сильно развитого ястребиного клюва, которая несколько позже исчезает с боспорских антаблементов. Декоративная сима над гуськом, выбитая с карнизом в одном блоке, украшена рядом чередующихся в прямом и перевернутом виде пальметт и кимой, орнамент которой сохраняет еще форму классического лесбийского киматия с глазком, стерженьком и изящно прогнутыми боковыми лепестками. I в. н. э. был последним периодом употребления подобной формы. Переход симы к ястребиному клюву отмечен жемчужником с аккуратно выбитыми бусинками. Выносную плиту карниза поддерживает пара близко расположенных, но слабо выраженных консолей, почти полностью состоящих из украшающих их акантовых листьев. Низ плиты снабжен выбитыми в ней сухариками. Ранние, неразвитые формы консолей и трактовка лесбийского киматия позволяют датировать керченскую плиту карниза I в. н. э.

Эволюционную картину поздних боспорских перекрытий дополняет другой пантикапейский карниз, хранящийся в Эрмитаже (инв. № Пан. 753; длина — 9,65, ширина — 0,55, высота — 0,257 м) ⁴⁴.

Декор и форма эрмитажного карниза находит аналогии в карнизе портика на форуме древнего Арля ⁴⁵, но наиболее близки ему карнизы провинциальной архитектуры на Балканском полуострове ⁴⁶. На основании аналогий в конструктивных особенностях и декоре карниз следует датировать III в. н. э. В это время все виды декоративных узоров превращаются в сильно стилизованную схему. Характер упрощения и схематизации декоративных мотивов можно заметить и на пантикапейском фрагменте, хранящемся в Эрмитаже (инв. № Пан. 738), — левой и аналогичной угловой плите антаблемента, найденного в прошлом столетии на горе Митридат и опубликованного Дюбуа и Ашиком как «фриз коринфского ордера, украшенный арабесками» ⁴⁷. Обе плиты относились, по-видимому, к одному и тому же зданию, вторая плита утеряна, сохранился лишь рисунок Дюбуа. Фриз обеих плит декорирован растительным орнаментом из завитков стеблей и цветов аканта ⁴⁸. Рельефное исполнение акантовых листьев, цветов и стеблей и форма бусин жемчужника позволяют датировать обе плиты, относящиеся к одному зданию, второй половиной II—III в. н. э.

Несколько обломков антаблементов относятся к наиболее позднему периоду античной архитектуры Боспора. Два из них, представляющие собой архитрав и фриз, выбитые в одном блоке, нам обнаружить не удалось, но они изданы Л. П. Харко как фрагменты фриза с изображением борьбы Геракла с гигантами ⁴⁹. Третий мраморный фрагмент, найденный в Пантикапее и представляющий собой часть портала, хранится в настоящее время в Эрмитаже (инв. № Пан. 754; длина — 0,5, высота — 0,445 м).

⁴³ П и ч и к я н, ук. соч., стр. 182.

⁴⁴ Там же, стр. 168, рис. 7.

⁴⁵ G l a d i s s, ук. соч., табл. 48, 2.

⁴⁶ С. Н. Б о б ч е в, Храм на Серапис в София, ИБАИ, XIV, 1941—1942, стр. 218, рис. 314; Т. И в а н о в а, С. Б о б ч е в, Разкопки върху площта на хотел «Балкан» в центъра на София през 1952—1953 гг., «Сердика», т. I, София, 1964, стр. 46, 47, рис. 47, 48, табл. XX, XXI.

⁴⁷ А ш и к, ук. соч., стр. 56, рис. СХ. Найдена до 1834 г. (время последнего путешествия Дюбуа), из Керченского музея поступила в Эрмитаж в 1861 г. В картотеке Эрмитажа обе плиты отождествлены, хотя по рисунку Дюбуа видно, что изданная им плита — угловая, кроме того, значительно большей длины: F. D u b o i s d e M o n t p e r t e u x, Voyage autour de Caucase chez les Tcherkèses et les Abkhases, en Colchide, en Georgie, en Arménie et en Crimée, P., 1840, Atlas, т. III, табл. XXXII bis.

⁴⁸ П и ч и к я н, ук. соч., стр. 183, рис. 8.

⁴⁹ Л. П. Х а р к о, Фрагмент фриза с изображением гигантов из станицы Таманской, СА, VII, 1941, стр. 90—92, рис. 1—4.

Он близок по стилю изображения и схематической передаче ов и лесбийского киматия тамаанским частям антаблемента, опубликованным Л. П. Харко⁵⁰. Эрмитажный фрагмент портала, гораздо лучшей сохранности, украшен рельефом виноградных гроздей и листьев. Все три архитектурные детали украшены орнаментом, представляющим собой очень схематизированный вариант своего первоначального прототипа. По характеру орнамента и пропорциям конструктивного членения все три детали нельзя датировать временем ранее конца II—IV в. н. э.

Особую группу архитектурных деталей Боспора составляют мраморные фрагменты, найденные в Горгииппии⁵¹. Все они изданы, но тем не менее заслуживают рассмотрения не только как высококачественные и редко встречаемые памятники античной архитектуры, но и как части, на основании которых можно реконструировать памятники в целом. Две царные кассеты кессонированного плафона потолка могут быть отнесены только к внешней колоннаде храма. На то, что кессонированные плиты предназначались для плафона потолка храма, а не являлись замковыми камнями каремы уступчатого склепа, указывают остатки сохранившегося орнамента на каждой из плит от второй кассеты с тем же изображением. В центре каждой из двух сохранившихся почти полностью кассет находится рельефное изображение Горгоны Медузы. Это довольно необычное украшение, заменившее собой традиционную розетту, в некотором смысле проясняет топографическое размещение плит на плафоне потолка. Если направление лица Горгоны обращено к входу в храм, то горгииппийский кессон, хранящийся в Эрмитаже (инв. № Гп — 1904, 1), можно отнести к пронаосу храма, а находящийся в экспозиции Историко-краеведческого музея в Анапе — к его птерону. Две крупные мраморные плиты кессонированного потолка с идентичным изображением, относящиеся скорее всего к одному зданию, красноречиво свидетельствуют о величине и великолепии декора некоторых храмов Азиатского Боспора. Вместе с плитой потолка вблизи Анапы, в станице Натухайской были найдены громадные мраморные блоки, на которых выбиты архитрав и фриз. Один из них, хранящийся в Анапе, сильно пострадал, потеряв большую часть рельефного орнамента⁵². Облегченные пропорции указывают, что блоки следует отнести к коринфскому ордеру. Другой, находящийся в экспозиции ГИМа, прекрасно сохранился. Датировка первыми веками нашей эры, предложенная Н. П. Сорокиной, вполне оправдана⁵³.

Реконструкция фасада храма коринфского ордера в Горгииппии не представляет больших трудностей. Храм был периптеральным, так как, во-первых, сохранившиеся архитравы центральные, а при антовой и простильной композиции мог быть всего один центральный архитрав, и, во-вторых, найденные блоки кессонированного потолка имеют разное направление горгонейонов, следовательно, могли перекрывать только периптер в пронаосе и птероне. Длина фасада шестиколонного портика

⁵⁰ И. Б. Зеест на основе изучения стратиграфии Гермонассы, учитывая «ярко выраженные эллинистические традиции скульптурного фриза», считает маловероятной датировку фрагментов, опубликованных Л. П. Харко, временем более поздним, чем конец II в. н. э. (выступление на заседании Ученого совета Ин-та археологии АН СССР 4 мая 1975 г.). Мы с благодарностью принимаем уточнение И. Б. Зеест как поддержку нашей датировки памятника: Л. П. Харко относил его к раннему эллинизму, а мы — к позднесарматскому периоду.

⁵¹ Н. И. Веселовский, Кубанская область. Окрестности г. Анапы, ОАК за 1903 г., 1906, стр. 76—78, рис. 162; Н. П. Сорокина, Архитектура античных государств Северного Причерноморья, ВИА, т. 2, М., 1973, стр. 377, рис. 22; И. Т. Кругликова, Сивдская гавань, Горгииппия, Анапа, М., 1975, стр. 37, рис. на стр. 36; Пичикян, ук. соч., стр. 183—186, рис. 9, 10.

⁵² Пичикян, ук. соч., стр. 185 сл., рис. 10.

⁵³ Сорокина, ук. соч., стр. 377, рис. 22.

с пятью интерколумниями ($5 \times 2,7 = 13,5$ м) по архитраву равна 13,5 м, т. е. 45 римским футам. Нижний диаметр колонн равен высоте коринфской капители 0,65 м⁵⁴, которая украшает экспозицию анапского музея. Базы должны были быть высотой в половину поперечника ствола⁵⁵. Высота колонн может быть определена в 10 или 10,5 нижних диаметров, т. е. от 6,50 до 7 м. Сохранившийся фриз с архитравом, равный по высоте 0,60 м, т. е. двум римским футам, обуславливал высоту карниза в 0,30 м. Фронтонное поле было равно девятой части своего основания⁵⁶, а вместе с карнизами — около 2 м. Общая высота постройки от стилобата до конька фронтона около 9 м, т. е. равна 30 римским футам. Следовательно, общие пропорции римского периптера выражаются в простом отношении длины к высоте в кратных цифрах 3 : 2.

Кроме приведенных выше частей антаблементов, по каждому из которых можно создать представление о монументальности и характере декора боспорской архитектуры римского времени, в Керченском музее хранятся и другие памятники. Но лучшие фрагменты из мрамора или потеряны, или пережжены на известь. Так, например, потерян изданный Дюбуа и А. Б. Ашиком громадный угловой блок антаблемента, фриз которого был украшен букрациями и гирляндами⁵⁷.

Остальные ордерные детали Боспора представлены незначительными и разрозненными фрагментами, не составляющими целого эволюционного ряда. Прежде всего, не сохранились фрагменты дорического и ионического ордера. Коринфский ордер представлен капителями, при этом сравнительно позднего времени — конца II—III в. н. э. Ко II в. следует отнести коринфскую капитель, найденную в Керчи при строительных работах на ул. Ленина⁵⁸. Ствол капители образован двумя рядами плотно стоящих акантовых листьев. К концу III — началу IV в. относится другая пантикапейская капитель коринфского ордера прекрасной сохранности⁵⁹. Ее ствол образован восемью тщательно выбитыми листьями аканта. Четыре диагонально расположенных акантовых листа подпирают волюты с глазками, украшенными розетками. Между волютами с четырех сторон расположены по три ионика эхина с разделительными стержнями в виде стрелок. Крайние ионики прикрыты угловыми пальметтами. Очевидное ионийское влияние, отраженное в форме волют, иоников эхина и угловых пальметт, позволяет видеть в этой капители наиболее позднее развитие ионийско-коринфского типа, отмеченное в ранней своей стадии на капителях, открытых Думбергом.

Помимо сохранившихся фрагментов стоечно-балочных горизонтальных и вертикальных перекрытий на Боспоре применялись и полуциркулярные арочные перекрытия на колоннах; они присутствуют на многочисленных изображениях. Колонны ионийского ордера с легкой полуциркулярной аркой изображены на двух боспорских монетах. На первой — сестерции Рискупорида II (68—92 гг. н. э.) — отчетливо видна арка, опирающаяся на ионийские колонны между двумя башнями городской стены. Ее венчает конная статуя победителя, по-видимому, боспорского царя⁶⁰. Другая монета — Савромата I (93—103 гг.) — сохранила подобное изображение,

⁵⁴ Vitruv., IV, I, 1; 11.

⁵⁵ Vitruv., IV, VII, 3.

⁵⁶ Vitruv., III, V, 12.

⁵⁷ Ашик, ук. соч., стр. 56, рис. СІХ.

⁵⁸ Л. И. Чуйстова, Фонды Керченского музея, АИБ, ч. I, стр. 247 сл., рис. 3, справа.

⁵⁹ А. Н. Карасев, Архитектура (Краткий очерк); Сб. АГСП, М.—Л., 1955, стр. 197, рис. 12.

⁶⁰ А. Н. Зограф, Античные монеты, МИА, 16, 1951, стр. 247, табл. XLVII, 3; Блаватский, Пантикапей, стр. 165, рис. 49.

только над воротами между крепостными башнями показаны зубцы стены и слева от ворот — связанный пленник⁶¹. Эти два примера применения арочных перекрытий в боспорской архитектуре сарматского периода подкрепляются изображениями на местных надгробных стелах, передающих формы существовавших в это время небольших погребальных сооружений — эдикул. Насколько можно судить по изображениям на стелах и сохранившимся боспорским и ольвийским склепам с полуциркульным перекрытием, обычным основанием арки служили прямоугольные столбы аттического ордера⁶². Таких примеров много, значительно более редки изображения с циркульным сводом без колонного обрамления. Из этого следует, что арка, опирающаяся на колонны, была достаточно популярным конструктивным приемом в архитектуре первых веков нашей эры. Отражением трансформации античных ордеров, очевидно местных, в изобразительном искусстве Боспора служат колонны на росписях боспорских склепов, а также отдельные фасады склепов и надгробия с ордерным оформлением⁶³.

В Ольвии от парадного зодчества римского времени сохранилось очень небольшое количество фрагментов. Фундаменты высокого стереобата, точнее, высокого подия храма Зевса, о котором упоминал Дион Христом⁶⁴, до настоящего времени не открыты. Найденные Б. В. Фармаковским субструкции и разрозненные архитектурные детали другого известного храма — Аполлона Простата — не позволяют реконструировать памятник даже в самых общих чертах⁶⁵, хотя Б. В. Фармаковский считал его дорическим псевдопериптером. Сохранившиеся база пилястра и антовая капитель, даже если они и принадлежат одному зданию, являются несовместимыми элементами разных ордеров. Размеры фасада остались также до конца не выясненными.

Остальные ордерные детали первых веков нашей эры, найденные в Ольвии, настолько фрагментарны, что не позволяют составить скольнибудь цельного представления об архитектуре этого периода.

В Херсонесе заслуживают внимания две группы памятников римского времени, хотя и они представляют дошедшую до нас случайную выборку из богатой и разнообразной архитектуры этого времени.

В первую очередь следует рассмотреть ордерные детали с надписями, о которых говорилось выше, относящиеся к храму Афродиты (капитель, фрагменты пяти колонн и блок архитрава). Архитрав и фриз выбиты в одном блоке длиной 2,09, высотой 0,32 м. При четырехколонном портике с тремя интерколумниями длина фасада по архитравам 6,60 м. Высота антаблемента вместе с горизонтальным карнизом 0,64 м. При таком основании расчет высоты фронтона при углах в 23° дает высоту 1,35, а общую величину антаблемента, включая фронтоны и фронтонный карниз, — 2 м

⁶¹ Зограф, ук. соч., стр. 247, табл. XLVII, 8; Сорокина, ук. соч., стр. 369, рис. 9.

⁶² А. П. Иванова, Скульптура и живопись Боспора, Киев, 1961, рис. 16, 55, 69, 78, 86; Б. В. Фармаковский, Склеп Еврисивия и Ареты в Ольвии, ИАК, вып. 3, 1902, табл. II—IV; А. М. Ростовцев, Античная декоративная живопись на Юге России, СПб., 1913, табл. XCVI. Циркулярный свод без колонного обрамления: Иванова, ук. соч., рис. 68; Б. В. Фармаковский, Раскопки в Ольвии в 1902—1903 гг., ИАК, вып. 13, 1906, рис. 11, 12, 15, 17.

⁶³ Ростовцев, ук. соч., LXXIV, 1; LXXV, 4; XCII—XCIV, LXXXIX—XCI, XXXV, 1, 3; LXXXIV, 4.

⁶⁴ Dio Chrys., XXXVI = SC, I, стр. 174.

⁶⁵ Б. В. Фармаковский, Отчет о раскопках 1925 г., СГАИМК, I, стр. 161 сл., рис. 17; ОАК за 1906 г., 1909, стр. 12 сл.; ОАК за 1905 г., 1908, стр. 15. Может быть, исследование дорических архитектурных деталей, использованных в качестве строительного материала в «римской цитадели», но до сих пор не извлеченных археологами, прольет свет на ордерное оформление и композицию здания.

(0,32 + 0,32 + 1,35 м). Колонны с посвятельными надписями, ценой и именами дарителей по своим размерам вполне подходят к реконструируемому храму, капитель которого имеет длину 0,65 и диаметр 0,42 м. При диаметре 0,52 м высота колонн римского времени была около 5 м. Это дает высоту постройки от стилобата до конька фронтона 7,50 м. Отношение высоты 7 м к ширине 6,6 м превышает единицу. Еще более вытянутые пропорции придает сооружению высокой подий. Вместе с ним общая высота реконструированного храма Афродиты в Херсонесе 9 м (т. е. равна 30 римским футам). Благодаря надписям на колоннах и архитраве, указывающим на цену возведенной постройки, этот памятник вызывает исключительный интерес⁶⁶. Несмотря на некоторые неясности, связанные с фрагментарностью дошедшего памятника, необходимо все же сделать приблизительный подсчет указанных в надписях сумм. На трех колоннах указана цена в 500 денариев, на одной — 300 денариев и слово «колонна» стоит здесь в единственном числе, следовательно, в этом случае указана стоимость одной колонны. Предыдущие же надписи говорят о колоннах во множественном числе, т. е. о цене, очевидно, сразу двух колонн в 500 денариев. Общая сумма в 1800 денариев говорит о том, во что обошелся материал, обработка и установление семи колонн. Если колонны стояли на фасаде в два ряда по четыре в каждом, и надписи были высечены на передних колоннах, то легко определить цену недостающей одной колонны. Стоимость восьми колонн была близка 2100 денариям. Надпись на центральном архитраве говорит о том, что Аврелий Гермokrat пожертвовал на храм Афродиты 3000 денариев. Эта сумма слишком велика, чтобы можно было бы предположить, что в нее входит стоимость одного антаблемента. Очевидно, подий и стены наоса, возведенные в местном известняке, т. е. материале, значительно более дешевом, чем привозной мрамор, также входили в эту сумму. Если это предположение верно, то общие расходы на постройку храма Афродиты в Херсонесе, как это зафиксировано надписями, составляли около 5000 денариев. Безусловно, это минимальная цифра. Возможно, что на подий и наос понадобились и дополнительные средства.

Второй группой ордерных деталей являются ионийские капители, составляющие целый типологический ряд. Они позволяют судить об эволюции ионийского ордера в Северном Причерноморье, а также о длительном его бытовании вплоть до конца римского периода.

Отличительные особенности ионийских капителей римского времени из Херсонеса следующие: нарушение конструктивных членений, отсутствие соразмерности в пропорциях, укрупненность декоративных членений, доходящая до гротескности, а также сильная контрастность светотеневых моделировок. В ранних капителях этого периода, которые могут быть датированы рубежом I в. до н. э. — I в. н. э., еще выдержаны пропорции конструктивного членения, декоративный орнамент балюстр еще сохраняет реалистическую трактовку, близкую растительному прототипу (рис. 6 а, б)⁶⁷. Эти особенности капителей ионийского ордера, восходящие к более раннему прототипу, дали основание Г. Д. Белову датировать их эллинистическим временем, хотя плоская, без прогиба подушка, форма вывернутых книзу волют, сильно выступающий в профиле эхин, формы ов и стержней говорят о стилистических особенностях римского времени.

⁶⁶ И. Мансветов, Историческое описание древнего Херсонеса и открытых в нем памятников, М., 1872, стр. 78—82, 91—93. Все ордерные детали были найдены вторично использованными в Уваровской базилике. И. Мансветов неверно прочел надписи и ошибся в атрибуции деталей. Ср. IOSPE, I², 440—447.

⁶⁷ Г. Д. Белов, Отчеты о раскопках 1934 г., ГХМ, Архив., д. 329, рис. 3. Капитель найдена в кладке стены здания «Г» I в. н. э. Длина — 0,39 м, ширина — 0,245, высота — 0,15, диаметр — 0,23. Картотека О. И. Домбровского, № 11.

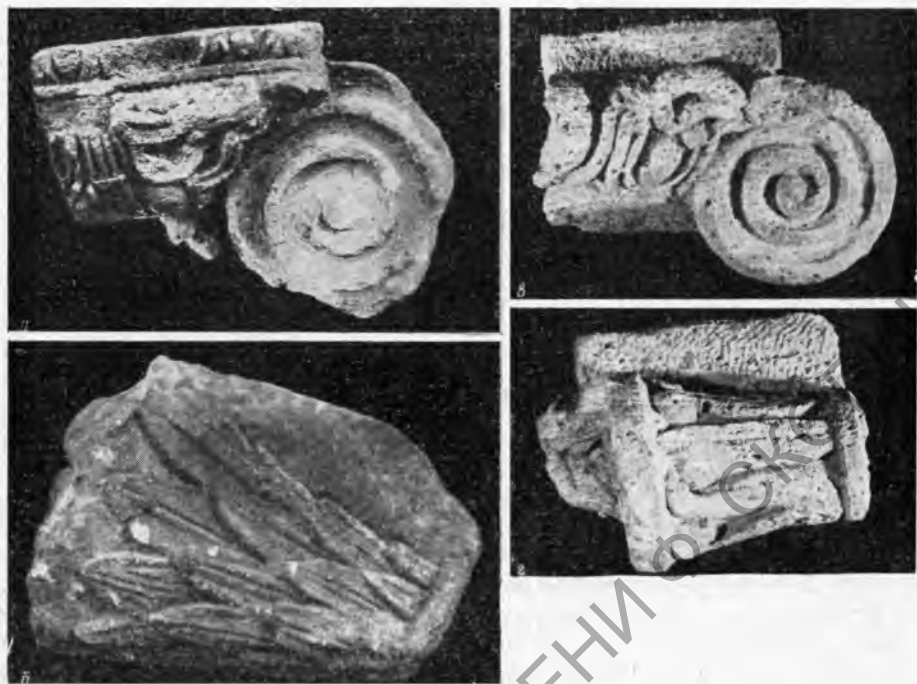

Рис. 6. Известняковые капители из Херсонеса

Две другие очень интересные капители также являются продуктом римской интерпретации I—II вв. н. э. в трактовке канонической формы. Первая капитель, несмотря на свою фрагментарность, достаточно ярко орнаментирована, чтобы ошибиться в ее датировке (рис. 6 а, б)⁶⁸. Воллуту образует плоский ремешок с завитком в 3,5 оборота вместо принятых трех, характерный только для архитектуры римского периода, где контрастность изображения достигалась не рельефностью трактовки, а глубиной светотеневой обработки. Воллуты объединяет совершенно плоская подушка, поверх которой абак моделирован ионийскими овами. Обработанные в очень глубоком рельефе ионийские овы эхина с разделительными стержнями в виде стрелок — яркий отличительный признак императорского времени — не позволяют датировать капитель более ранним временем, чем I—II вв. н. э. Подтверждает эту датировку и угловая пальметта громадных размеров, прикрывающая не только овы, но и узкую подушку. Балюстрада этой двухфасадной капители покрыта остроконечными листьями, находящими друг на друга мелкими, перехваченными в центре валиками. Весь декорирующий орнамент лицевой стороны настолько велик, что он забывает конструктивные части капители.

Очень близка этой капители по размерам и декору другая капитель этого же времени, от которой дошла также ровно половина (рис. 6, в, г)⁶⁹. Размеры и характер орнамента этих капителей настолько близки, что при первом впечатлении может показаться, что это одна и та же капитель. Однако при ближайшем рассмотрении вторая капитель оказывается еще более поздней интерпретацией первоначального эллинистического вариан-

⁶⁸ Белов, Отчет о раскопках 1934 г.; капитель найдена в стене здания «Г» — I в. н. э., ГХМ, фототека, негатив № 4037—4038.

⁶⁹ Картотека О. И. Домбровского, № 359.

та. Ее отличает полное отсутствие подушки, связывающей волюты, непомерно высокий, немоделированный абак, вырастающий непосредственно из эхина, и трехлепестковая пальметта с завитками на концах. Огромные овы (сохранилось две из трех) и стержни в виде стрелок на резко выступающем в профиле эхине, так же как и в предыдущем случае, не позволяют усомниться в датировке капители II в. н. э. Об этом же говорят и соотношения в пропорциях между непомерно толстым плоским валиком и узкой скоцией витка волюты, которые отличают эти капители от всех известных в Северном Причерноморье капителей ионийского ордера. По-своему своеобразна и трактовка балюстры, украшенная плоскими стилизованными листьями, закругляющимися от перехвата на концах, смежных с волютами.

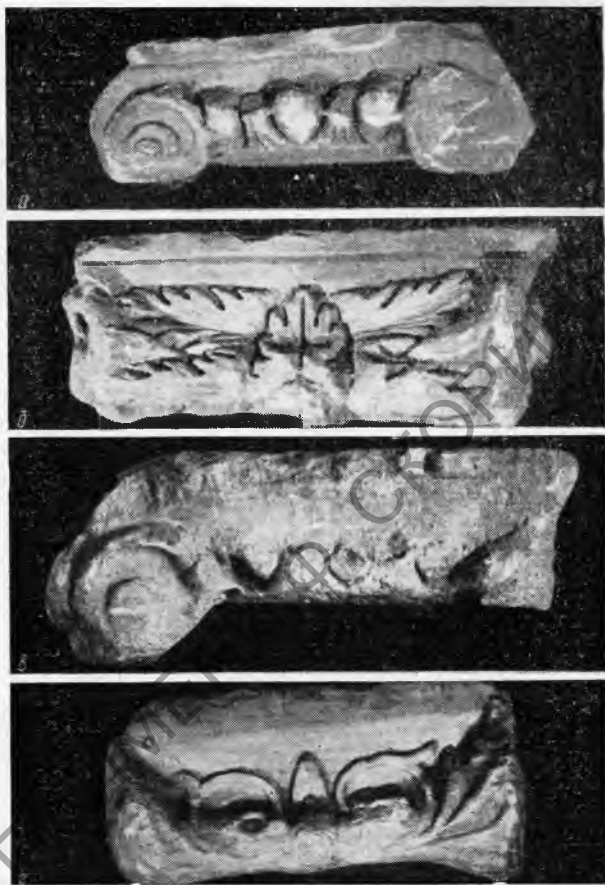

Рис. 7. Мраморные ионийские капители из Херсонеса

С ионийскими капителями из известняка очень интересно сопоставить мраморные ионийские капители этого же времени, найденные также в Херсонесе (рис. 7). Всю эту группу из пяти ионийских капителей с фасада отличает более скромное следование каноническому прототипу эллинистического времени. Римская трактовка отдельных конструктивных членений все же заметна в более выпуклой форме ов и пальметт, а также в более резких светотеневых контрастах. Одновременно с этим на мраморных капителях заметна большая свобода и разнообразие в декоративной орнаментике балюстры.

Если в первой капители на балюстре еще сохранился традиционный мотив заходящих друг на друга листьев⁷⁰ то на балюстре второй капители этот мотив упрощен до длинных одинарных листьев, стянутых перехватом из трех валиков⁷¹. На балюстрах третьей ионийской капители этот мотив еще более схематичен: два продольных листа аканта с каждой стороны стянуты одним поперечным листом (рис. 7 а, б)⁷². Четвертая и пятая двух-

⁷⁰ Картотека Домбровского, № 307 ГХМ, инв. № 3387, длина — 0,32 м, высота — 0,256, сохр. ширина — 0,19.

⁷¹ ГХМ, № 5763, 25.

⁷² Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича 1904 г. Доследование Уваровской базилики, коридор. Архив ГХМ, д. № 58, альбом IV, (47—49), д. № 30, стр. 67. Опубликовано в ИАК, вып. 4, 1902, стр. 86, рис. 38.

фасадная капители почти идентичны предыдущим по конструктивным особенностям и орнаментальным мотивам. Балюстра четвертой капители украшена еще более изощренным растительным орнаментом из нескольких завитков аканта и двух цветков по сторонам центрального перехвата (рис. 7 в, г)⁷³. Балюстра пятой более фрагментарной мраморной капители украшена в сохранившейся своей части завитками из листьев аканта⁷⁴. Таким образом, последние две капители в растительной орнаментике балюстр совершенно порвали со своим первоначальным прототипом — орнаментом из заходящих друг на друга листьев, тогда как предыдущие три еще сохраняли идею продольного расположения листьев и лишь укрупняли и углубляли этот мотив.

Первые две мраморные капители следует датировать I—II вв. н. э., остальные три — II—III вв. н. э. К последним в полной мере относится образная характеристика О. И. Домбровского и Е. А. Паршиной: «Поздние римско-ионийские капители из Херсонеса носят более грубый и несколько более вычурный, но в то же время живописный характер»⁷⁵.

Изучение архитектуры первых веков нашей эры позволяет выделить два направления в архитектурно-строительных школах Северного Причерноморья. Сильная приверженность к эллинистической традиции отличает основное направление провинциальной архитектуры Причерноморья. Это же свойственно и архитектуре Малой Азии. Тяготение к эллинистической традиции, находящее отражение в общих пропорциях, органичности и трактовке архитектурных рельефов, реалистически следующих растительному прототипу, жизненной передачей движения и эмоций, характерно для первых веков нашей эры. Другую группу памятников отличает совершенно другой подход к трактовке усложненных конструктивных форм и принципиально иное отношение к декору. Выражается это в схематизации растительного орнамента и классических декоративных мотивов, а также в сухости общих очертаний. Очевидное римское влияние, ремесленный подход, связанный с массовым стандартизованным производством, в конечном счете приводит к вырождению ордерных форм. Анализ архитектурных деталей и аналогии с родственными памятниками средиземноморской архитектуры показывают, что римское влияние было не непосредственным, а, являясь результатом взаимовлияния римской и малоазийской архитектуры этого времени, осуществлялось через Малую Азию. Об этом свидетельствуют не только традиционные культурные связи с Малой Азией, но и большое количество привозного мрамора малоазийского происхождения.

Количественное сопоставление по сохранившимся ордерным деталям архитектурных памятников Боспора, Ольвии и Херсонеса первых веков нашей эры показывает, что в этот период масштабы строительства были более значительны на Боспоре и наименее широки в Ольвии. Применение мрамора в архитектуре Северного Причерноморья I в. н. э. сильно возросло по сравнению с эллинистическим периодом. Если изделия из мрамора в период эллинизма были крайне редки и небольших размеров, то начиная с первых веков нашей эры мраморные архитектурные детали, сохранившиеся до настоящего времени, значительно превышают в процентном соотношении выполненные в известняке.

Официальная архитектура в городах Северного Причерноморья первых веков нашей эры по эстетическим и архитектурным нормам была на уров-

⁷³ ГХМ, инв. № 8100, фототека № 2089, картотека О. И. Домбровского, № 76, Д—0,50, облом, Ш—0,36, В—0,168, абак 0,41 × 0,415 м.

⁷⁴ Картотека О. И. Домбровского, № 151.

⁷⁵ О. И. Домбровский, Е. А. Паршина, Архитектурные детали античного Херсонеса, СХМ, II, Симферополь, 1961, стр. 85.

не провинциальных средиземноморских и понтийских стандартов. Памятники северопонтийской архитектуры проигрывают в основном в размерах, но не уступают по своим художественным и декоративным качествам.

Рассмотренные памятники архитектуры Северного Причерноморья первых веков нашей эры показывают, что, несмотря на сложность политической обстановки и связанные с ней экономические кризисы, строительство общественных сооружений, начиная с I в. н. э., переживало значительный подъем. При этом в первых веках нашей эры потребности в строительстве культовых и общественных зданий сильно возросли ввиду гибели старых сооружений. Выросли и экономические возможности централизованных государств в связи с предельной имущественной дифференциацией. Хотя в основном в этот период сооружались оборонительные стены, возводимые в основном в так называемой технике хищнической кладки, не требующей большого мастерства, с использованием всех находившихся под рукой старых строительных материалов, восстановительные работы I в. н. э. по объему были очень значительными. Исследователи Пангикаепа, Ольвии и Херсонеса при изучении городских сооружений первых веков нашей эры неоднократно отмечали громадные масштабы оборонительного строительства и связанной с ним перепланировки городов. Начиная с I в. н. э. в городах Северного Причерноморья процветает и парадное зодчество.

О ремонте и возведении новых культовых и общественных сооружений этого времени также свидетельствует большое количество письменных источников (IOSPE, I², 131, 40, 98, 132, 184, 185, 175, 181, 174; КБН, 115, 62, 45, 39, 1050, 1045, 63, 1134).

Эпиграфические памятники показывают, что основным контингентом, осуществляющим пожертвования, были боспорские цари и высшие должностные лица государственного управления. Как уже отмечалось, нововведением римского времени является обожествление римских императоров и боспорских царей, которым наравне с богами олимпийского пантеона посвящаются храмы и другие ордерные сооружения.

Жрецы храмов, по-прежнему оставаясь хранителями культовой казны, помимо этого выступают и как руководители обществено-культовых группировок — фисов. К этому же периоду относятся сообщения о наличии в храмовом хозяйстве земельных участков и прикрепленных к ним земледельцев. Как римское правительство, так и цари Боспора и аристократизированное правительство демократических полисов Херсонеса и Ольвии было заинтересовано в сохранении традиционных культов и существующего в городах уклада, как религиозного, так и политического. Крупные масштабы строительства парадного зодчества и общественных сооружений в городах Северного Причерноморья свидетельствуют о значительных экономических возможностях северопонтийских государств, ненамного уступавших их потенциалу времени расцвета в эпоху раннего эллинизма.

И. Р. Пичикян

FORMAL ARCHITECTURE IN THE NORTH BLACK SEA REGION IN THE FIRST CENTURIES OF OUR ERA

I. R. Pichikyan

The author collected all available evidence on the subject, produces some new material, and on this basis reconstructs five façade orders. The evidence, written as well as material, enabled the author to bring out the main features characterising the organi-

sation of construction and to estimate the minimum cost of erecting a small temple portico as 5000 denarii (see the inscriptions on the architrave and columns of the temple of Aphrodite in Chersonesus: *IOSPE* I² 440—446). He was also able to mark off three distinct periods in North Pontic architecture of this era: (1) first half of the 1st century A. D., (2) beginning of the 2nd century: Sauromates I (93/4—123/4); and (3) the turn of the 2nd and 3rd centuries: Sauromates II (173/4—210/11). The large size of important public buildings in the North Pontic cities attests the considerable economic resources of their rulers. By aesthetic and technical standards public architecture here does not lag behind that of provincial Mediterranean and other Pontic architecture. North Pontic building is generally on a smaller scale, but loses nothing in artistic and decorative quality.
